

Колодники Святейшего Синода: правовой статус и государственное юридическое оформление

А.Р. ПАВЛУШКОВ – доцент кафедры философии и истории ВИПЭ ФСИН России, кандидат исторических наук

В статье рассматриваются вопросы оформления юридического статуса колодников Святейшего правительствующего Синода. Они составляли особую категорию арестантов духовного ведомства, находившихся под стражей на время предварительного или повторного следствия. В юридической и исторической литературе научных исследований по этой категории заключенных практически нет, поэтому обращение к данной теме представляет научный интерес. Историко-правовая реконструкция строится исключительно на архивных материалах и документах Синода XVIII в.

Ключевые слова: Русская православная церковь; Святейший правительствующий Синод; Сенат; церковно-каноническое право; церковная юрисдикция; пенитенциарная практика монастырей; колодники; именные церковные инструкции; церковное судопроизводство; религиозные и государственные преступления; монастырское заключение; судебная секуляризация.

Kolodniki (arrested persons) of the Apostolic Synod: the legal status and legal implementation

A.P. PAVLUSHKOV – docent of the philosophy and history department of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, a candidate of history science

The issues of status legal implementation of the arrested persons of the Apostolic Synod are considered in the article. They were a special category of arrested people of the priesthood authority being in custody during preliminary and duplicative investigation. There is no information about this category of convicts in the legal and historic literature, so this field is of a scientific interest. The historical and legal renewal is based on some archive information and papers of the Synod of 18 century.

Key words: the Russian Orthodox Church; the Apostolic Governmental Synod; senate; canon law; church jurisdiction; penitentiary practice of monasteries; kolodniki (arrested persons); nominal church instructions; canon legal procedure; religious and state crimes; monastery imprisonment; judicial secularization.

Святейший Синод – государственный орган управления Русской православной церковью, существовавший в России с 1721 по 1917 гг. Компетенция его была достаточно разнообразной и касалась вопросов регулирования религиозной, семейной и духовной политики Российской империи. Синод стал одним из главных органов управления, встроенных в обширный государственный аппарат. Формально он был уравнен в правах с Сенатом, также носившим название «правительствующий», но фактически по своему статусу имел соподчиненное положение, так как многие решения Синода должны были предварительно получить одобрение Сената. Об этом свидетельствует переписка высших судебных инстанций, содержание которой указывает на то, что все наиболее

важные вопросы Синод всегда согласовывал с Сенатом, тогда как Сенат входил в сношения с Синодом только по делам определенного рода. В частности, Синод был обязан присылать сведения обо всех колодниках, содержащихся в духовном ведомстве¹.

Императорский указ 1722 г. предписывал создание в Синоде органов управления, соответствующих гражданской службе. Уточнялось, что Святейший Синод в духовных делах имеет такую же силу, как Сенат в светских². В соответствии с этим постановлением при Синоде учреждалась специальная канцелярия для ведения следственных мероприятий. При ней создавались помещения для содержания колодников.

Обращение к изучению данной категории лиц представляет интерес в силу ее мало-

изученности, что дает возможность более полно оценить процесс взаимодействия государства и церкви в вопросах разграничения судебной юрисдикции.

Прежде чем рассматривать данную тему, необходимо сделать несколько уточнений.

Во-первых, в качестве мест заключения помещения духовного ведомства использовались и раньше. На Европейском Севере России такая практика была повсеместной. Местами заключения служили не только монастыри, но и специальные помещения при архиерейских домах для проведения предварительного расследования. Поэтому появление при Синоде тюремного помещения вследствие исполнения императорского указа нельзя рассматривать как попытку государственного вмешательства в дела церкви путем наделения церкви несвойственными ей карательными функциями. В данном случае подобная мера является отражением утилитаризма, чем была проникнута вся государственная политика Петровской эпохи.

Во-вторых, вопреки расхожему мнению большинства исследователей, в северные монастыри ссылали не только за религиозные и семейные преступления. Материалы архивов свидетельствуют о многочисленных фактах, когда в монастырские остроги отправляли за уголовные и государственные преступления, а также политических противников в целях их устранения. Можно сказать, что к началу XVIII в. пенитенциарная практика северных монастырей сложилась, она формировалась достаточно хаотично и процессуально не была отрегулирована. Государство и сама церковь были заинтересованы в разграничении тюремной компетенции.

Понятие «колодники» стало широко использоваться в нормативно-правовых актах государства и церкви в начале XVIII в. Его происхождение связано со словами «колода» и «колодка» – деревянные приспособления, которые надевались на ноги заключенным для предупреждения их побега. Отсюда выражение «посадить в колоду». Разграничение колодников по половому признаку, на что указывает С.И. Ожегов, в государственных актах не выявлено³. Понятие «колодница» можно обнаружить только в локально-нормативных документах распорядительного характера, когда речь шла о составлении отчетов о поведении каждого заключенного и требовались поименные сведения о каждом из них. По справедливому замечанию В.И. Даля, «колодник» – это собирательное понятие, обозначающее узника, «подстражного арестанта», «заключенника», неволь-

ника⁴. В нормативных документах XIX в. эта категория стала обозначаться термином «арестант».

Колодники духовного ведомства – это лица, которые находились в местах заключения, относящихся к ведению церкви. Принципиальной особенностью правового статуса этой категории лиц было то, что основная форма наказания сопровождалась мерами увещательного характера. При этом режим изоляции и непосредственная форма исполнения наказания в виде лишения свободы могли иметь широкие разновидности, о чем говорят решения судебных инстанций, *сопроводительные письма* (документ, регламентирующий режим содержания заключенного, который через конвоиров передавался настоятелям) и *именные церковные инструкции*. Последние выписывались Святейшим Синодом и предназначались архимандритам на право осуществления судебных полномочий. Отличием их было то, что они, во-первых, имели конкретного адресата и выдавались далеко не всем; во-вторых, спектр обозначенных судебных полномочий, несмотря на типовую схожесть, все-таки отличался (в каждом случае перечень судебных полномочий перечислялся отдельно с указанием специфики).

Данные инструкции являлись важнейшим источником церковного права и были особенно распространены в XVIII в. Их появление являлось следствием огромного числа коллизий, когда за одни и те же преступления устанавливалась подсудность правонарушителей различным судебным инстанциям: государственным и церковным. Инструкции уточняли судебную компетенцию архимандритов, чтобы снять возможные противоречия при производстве следственных мероприятий и вынесении судебного решения. Например, Судебная инструкция архимандриту Лаврентию, выданная 22 мая 1722 г., в жесткой форме устанавливала пределы субъектной компетенции. Он мог рассматривать только «духовные дела» в отношении лиц духовного звания. Инструкция четко определяла правовой статус архимандрита. Он контролировал исполнение священниками обязанностей в соответствии с духовным регламентом, принимал челобитные с жалобами на духовных лиц и вел по ним расследования, наказывал правонарушителей. Параграф 13 предусматривал возможность применения различных форм наказания (штраф и «держание в узах» в тюремном помещении при монастыре)⁵.

Особую категорию лиц составляли *колод-*

ники Святейшего Синода. Речь идет о лицах, которые обвинялись в религиозных или государственных преступлениях, либо особых случаях, когда требовалось вмешательство высшей судебной инстанции Русской православной церкви (по причине исключительной сословной принадлежности обвиняемого, некомпетентности местных духовных судебных палат и др.). На время следствия колодники находились в изолированном помещении при Синоде под охраной воинской команды.

Для проведения следственных мероприятий в Синоде была создана канцелярия, куда входили как духовные, так и светские чиновники. Будучи высшей судебной инстанцией церкви, Синод рассматривал жалобы, апелляции, ходатайства, доносы (пока они были не запрещены). Члены судебной канцелярии Синода принимали присягу, которая практически не отличалась от присяги военных и гражданских служащих.

Святейший правительствующий Синод проводил дознание лиц, обвинявшихся в тяжких преступлениях, подлежавших компетенции духовного ведомства. Сразу оговоримся, что в начале XVIII в. понятия «тяжкое преступление» еще не существовало. Однако современный контекст содержания этого понятия уже вполне сложился. Он был связан с судебной практикой, когда наиболее резонансные следственные дела производились одновременно церковным и светским ведомствами. К таким относились преступления, связанные с обвинением духовных лиц в совершении уголовных преступлений, а также в причастности к расколу, принуждению к вступлению в другую веру; убийства по неосторожности, убийства незаконнорожденных детей, кровосмешение и некоторые другие деяния.

Для рассмотрения таких дел документы, собранные первичной инстанцией (местными духовными властями), направлялись в Синод вместе с обвиняемыми. Этим лицам называли колодниками. Однако в отличие от «тюремных сидельцев» они находились в Синоде только на время проведения следствия. Количество колодников в разное время менялось. Например, в 1722 г. общее число колодников при всех коллегиях составляло 66 чел. Точных данных по количеству колодников, содержащихся при духовной коллегии, не обнаружено. На основе сопоставления можно предположить, что эта цифра приблизительно могла достигать 20 чел.

Помещений для колодников при Синоде первоначально не было вообще. Они рассылались по ближайшим монастырям или

другим ведомствам. Дальнейший прирост колодников поставил вопрос о необходимости строительства для них специальных помещений. Кроме того, этому способствовало несколько обстоятельств.

Во-первых, некоторые инструкции Синода предписывали настоятелям монастырей «ловить самовольно шатающихся священнослужителей и церковнослужителей» и отправлять их в Синод, если они не возвращались на прежние места службы, для определения их дальнейшей судьбы⁶. В период секуляризационной кампании число самовольных отлучек и случаев бегства священнослужителей заметно увеличилось, однако возможности Синода для временно-го содержания беглых были ограничены.

Во-вторых, был расширен список правонарушений священнослужителей, которые подлежали рассмотрению Синодом с обязательным присутствием обвиняемых. Например, обязательной отсылке в Синод под караулом подлежали священники, которые продолжали службу при лишении этого права. В ряде случаев прямо говорилось, что лица духовного звания, совершившие «важные преступления», должны отсылаться в Синод с «обстоятельными доношениями»⁷.

В-третьих, в начале XVIII в. механизм судебного делопроизводства был регламентирован и требовал соблюдения определенных правил, более жесткого контроля, что в свою очередь заставило Синод более серьезно относиться к вопросам охраны колодников⁸.

В 1721 г. Военной коллегии было предписано выделить помещения в Санкт-Петербурге для колодников, присылаемых из Святейшего Синода. Они должны были содержаться отдельно от колодников Канцелярии тайных розыскных дел. Причиной подобного решения явилось отсутствие у Синода «надлежащей военной охраны и мест под содержание колодников». Синоду с этого момента разрешалось требовать в военном гарнизоне Петербурга «удобные места для колодников, в которых бы они содержались крепко»⁹. В результате было начато строительство нескольких тюремных помещений для колодников Синода и Сената по отдельности¹⁰. Имеющаяся в нашем распоряжении деловая переписка между Синодом и Сенатом говорит о сложности государственно-церковных отношений по вопросам организации охраны колодников. В частности, из Синода постоянно поступали жалобы в Сенат на то, что Военная коллегия плохо организует и контролирует караульную службу колодников¹¹.

24 марта 1721 г. в Синод прибыло 16 военных для несения караульной службы во главе с лейб-гвардии Семеновского полка капралом Семеном Артемьевым из Военной коллегии, однако у прибывших не было ни оружия, ни продовольствия. Синод направил жалобу и просил Сенат «дать распоряжение о присылке для них фузей, шпаг и епанчей в связи с тем, что из Канцелярии тайных розыскных дел в Синод поступает много колодников по обвинению в важных государственных делах». Военная коллегия чуть позже прислала еще 7 военных для охраны, но их определили по монастырям в связи с тем, что они были не нужны в таком количестве¹².

Содержание колодников Синода происходило за счет государства. Для уменьшения расходов их разрешалось отдавать на мануфактуры Московской губернии или отпускать для сбора милостыни. Лица, обвиняемые в государственных преступлениях, могли собирать милостыню только при отсутствии работ. Для поиска «прокорма» женщины направлялись на прядильные мануфактуры, мужчины – на земляные работы. Оплата была единой: первоначально – четыре деньги в день на одного человека, затем – шесть денег в сутки. Оплату производил владелец мануфактуры. На него ложилась и ответственность за охрану колодников. Разрешалось также по просьбе частных лиц использовать колодников и на других работах. В большинстве случаев они находились на месте работы постоянно, проживая в специальных помещениях. Во время церковных праздников и в воскресенье использовать применение трудовой повинности запрещалось. Владельцы мануфактур обязаны были предоставлять питание синодальным колодникам бесплатно.

По всей видимости, условия содержания колодников были плохие. В официальных рапортах Синода говорится, что «многие колодники претерпевают голод, к тюрьмам милостыни никто не приносит, и колодники от голоду лежат при смерти»¹³. Многие владельцы мануфактур отказывались брать колодников по причине неэффективности их труда. Поэтому вопрос об их содержании по-прежнему стоял остро.

Для организации работ колодников Синоду был определен бывший двор адмирала Головина, а на доктора Бидла возлагалось общее руководство. Интересным является тот факт, что лица, обвиненные в преступлениях по челобитным или доносам частных лиц, содержались исключительно за счет последних. Запрещалось их привлекать и к

общественным работам, отпускать для сбора милостыни. Остальным колодникам разрешалось собирать милостыню при строгом соблюдении регламента: их одновременное количество не должно было превышать 20 чел., все они были соединены железной цепью. Однако в дальнейшем сбор милостыни был запрещен¹⁴.

С середины 1722 г. количество колодников в Синоде сократилось. Причиной стало постановление Сената от 04.06.1722 г. о том, что все должники, находящиеся при коллегиях на следствии, должны ссылаться на галеры при невозможности возместить долг государству. При «ревизион-конторе» под руководством двух назначенных офицеров создавался особый стол для осуществления правеха (допроса с пристрастием) и взыскания недоимок. На основании этого распоряжения Синод приказал вывести всех колодников, которые содержались по обвинению в растрате церковных (казенных) денег, и отправить на каторгу, если те не погасят растрату¹⁵. Отправка таких колодников на каторгу происходила неоднократно, что подтверждено официальными документами¹⁶.

К колодникам, находившимся в Синоде, могли применяться пытки. Действующее законодательство разрешало применять пытку даже в отношении несовершеннолетних. Принцип презумпции виновности являлся основой уголовного законодательства того времени. Лицо, обвиняемое в совершении преступления, обязано было самостоятельно предоставить доказательства своей невиновности или, выдержав несколько пыток, подтвердить свое алиби одинаковыми показаниями. Следует, однако, заметить, что по отношению к колодникам духовного ведомства пытки применялись все-таки реже, чем в гражданских следственных инстанциях. Обвиняемое лицо могло жаловаться в Синод на производимые пытки. Так, 17 января 1722 г. в Синод поступила жалоба от секретаря Василия Федорова, который находился в приказе церковных дел по обвинению в «растрате денег государевой казны в сумме 27 рублей». Эти деньги он собрал как штраф с людей, не явившихся на исповедь, но в казну их не зачислил. В. Федоров пишет, что уже 15 недель находится на «правехе» и жалуются на архимандрита Антония, по приказу которого его неоднократно били и истязали. Обвиняемый признался в растрате, однако в высшую церковную инстанцию обратился с просьбой о материальной поддержке, чтобы Синод ему эту растрату простил или дал денег для возврата в казну. Постанов-

ление Синода было предельно лаконично: в течение двух недель деньги вернуть или «сослать на галерные работы»¹⁷.

Подведем некоторые итоги.

В начале XVIII в. среди заключенных духовного ведомства появляется новая категория – колодники Святейшего Синода. Правовой статус этой группы лиц был юридически оформлен несколькими нормативными документами Сената и Синода и касался вопросов их содержания, местонахождения и финансирования. Колодники Святейшего

Синода – это лица, которые направлялись в высшую судебную инстанцию церкви для производства следственных мероприятий.

Выделение этих лиц в особую группу связано с общей тенденцией усиления вмешательства государства в судебную юрисдикцию РПЦ. Регламентация содержания колодников Синода устанавливалась государством и строилась на тех же принципах и правилах, как и предварительное заключение в местах, подчиненных гражданскому ведомству.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2: 1722. № 457. С. 108

² См.: Там же. № 693.

³ См.: Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 284.

⁴ См.: Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. М., 2004. С. 99.

⁵ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. № 630. П. 13. С. 300.

⁶ См.: Там же. № 582. П. 4.

⁷ Там же. № 630. П. 13–14.

⁸ См.: Там же. № 582. П. 6, 16–17.

⁹ Там же. СПб., 1879. Т. 1: 1721. № 36. С. 50.

¹⁰ См.: Там же. № 201. С. 252.

¹¹ См.: Там же. Т. 1: 1721. № 201. С. 253.

¹² См.: Там же. № 50. С. 64.

¹³ Там же. № 874. Т. 2. С. 565–566.

¹⁴ См.: Там же. № 822.

¹⁵ См.: Там же. № 688. С. 345–345.

¹⁶ См.: Там же. № 354, 714, 831.

¹⁷ Там же. № 354. С. 12.

¹ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб., 1872. Т. 2: 1722. № 457. С. 108

² См.: Там же. № 693.

³ См.: Ожегов С.И. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 2003. С. 284.

⁴ См.: Даль В.И. Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка. Современное написание. М., 2004. С. 99.

⁵ См.: Полное собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству православного вероисповедания Российской империи. № 630. П. 13. С. 300.

⁶ См.: Там же. № 582. П. 4.

⁷ Там же. № 630. П. 13–14.

⁸ См.: Там же. № 582. П. 6, 16–17.

⁹ Там же. СПб., 1879. Т. 1: 1721. № 36. С. 50.

¹⁰ См.: Там же. № 201. С. 252.

¹¹ См.: Там же. Т. 1: 1721. № 201. С. 253.

¹² См.: Там же. № 50. С. 64.

¹³ Там же. № 874. Т. 2. С. 565–566.

¹⁴ См.: Там же. № 822.

¹⁵ См.: Там же. № 688. С. 345–345.

¹⁶ См.: Там же. № 354, 714, 831.

¹⁷ Там же. № 354. С. 12.